

Анатолий Рыбаков

Неизвестный солдат

ФТМ

Приключения Кроша

Анатолий Рыбаков

Неизвестный солдат

«ФТМ»

1970

Рыбаков А. Н.

Неизвестный солдат / А. Н. Рыбаков — «ФТМ»,
1970 — (Приключения Кроша)

Герои Анатолия Рыбакова хорошо знакомы уже нескольким поколениям детей, любителей веселых и опасных приключений. Любознательный и честный Крош увлекается расследованием загадочных происшествий. Его волнует не только то, что произошло рядом с ним, но и то, что случилось за много лет до его рождения. Повесть «Неизвестный солдат» рассказывает об уже повзрослевшем Кроше, который, работая на строительстве новой дороги, обнаруживает могилу неизвестного солдата и задается целью установить его имя.

© Рыбаков А. Н., 1970

© ФТМ, 1970

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	15
6	19
7	22
8	25
9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анатолий Рыбаков

Неизвестный солдат

1

В детстве я каждое лето ездил в маленький городок Корюков, к дедушке. Мы ходили с ним купаться на Корюковку, неширокую, быструю и глубокую речку в трех километрах от города. Мы раздевались на пригорке, покрытом редкой, желтой, примятой травой. Из совхозной конюшни доносился терпкий, приятный запах лошадей. Слышалось перестукивание копыт по деревянному настилу. Дедушка загонял коня в воду и плыл рядом с ним, ухватившись за гриву. Его крупная голова, со слипшимися на лбу мокрыми волосами, с черной цыганской бородой, мелькала в белой пене маленького буруна, рядом с дико косящим конским глазом. Так, наверно, переправлялись через реки печенег.

Я единственный внук, и дедушка меня любит. Я его тоже очень люблю. Он осенил мое детство добрыми воспоминаниями. Они до сих пор волнуют и трогают меня. Даже сейчас, когда он прикасается ко мне своей широкой, сильной рукой, у меня щемит сердце.

Я приехал в Корюков двадцатого августа, после заключительного экзамена. Опять получил четверку. Стало очевидно, что в университет я не поступлю.

Дедушка ожидал меня на перроне. Такой, каким я оставил его пять лет назад, когда в последний раз был в Корюкове. Его короткая густая борода слегка поседела, но широкоскулое Лицо было по-прежнему мраморно-белое, и карие глаза такие же живые, как и раньше. Все тот же вытертый темный костюм с брюками, заправленными в сапоги. В сапогах он ходил и зимой и летом. Когда-то он учил меня надевать портянки. Ловким движением закручивал портянку, любовался своей работой. Патом натягивал сапог, морщась не оттого, что сапог жал, а от удовольствия, что он так ладно сидит на ноге.

С ощущением, будто я исполняю комический цирковой номер, я взобрался на старую бричку. Но никто на привокзальной площади не обратил на нас внимания. Дедушка перебрал в руках вожжи. Лошадка, мотнув головой, побежала с места бодрой рысцой.

Мы ехали вдоль новой автомагистрали. При въезде в Корюков асфальт перешел в знакомую мне выбитую булыжную мостовую. По словам дедушки, улицу должен заасфальтировать сам город, а у города нет средств.

– Какие наши доходы? Раньше тракт проходил, торговали, река была судоходной – обмелела. Остался один конезавод. Есть лошади! Мировые знаменитости есть. Но город от этого мало что имеет.

К моему провалу в университет дедушка отнесся философски:

– Поступишь в следующем году, не поступишь в следующем – поступишь после армии. И все дела.

А я был огорчен неудачей. Не повезло! «Роль лирического пейзажа в произведениях Салтыкова-Щедрина». Тема! Выслушав мой ответ, экзаменатор уставился на меня, ждал продолжения. Продолжать мне было нечего. Я стал развивать собственные мысли о Салтыкове-Щедрине. Экзаменатору они были не интересны.

Те же деревянные домики с садами и огородами, базарчик на площади, магазин райпотребсоюза, столовая «Байкал», школа, те же вековые дубы вдоль улицы.

Новой была лишь автомагистраль, на которую мы опять попали, выехав из города на конезавод. Здесь она еще только строилась. Дымился горячий асфальт; его укладывали загорелые ребята в брезентовых рукавицах. Девушки в майках, в надвинутых на лоб косынках разбрасывали гравий. Бульдозеры блестящими ножами срезали грунт. Ковши экскаваторов вгры-

зались в землю. Могучая техника, грохоча и лязгая, наступала на пространство. На обочине стояли жилые вагончики – свидетельство походной жизни.

Мы сдали на конезавод бричку и лошадь и пошли обратно берегом Корюковки. Я помню, как гордился, впервые переплыв ее. Теперь бы я ее пересек одним толчком от берега. И деревянный мостик, с которого я когда-то прыгал с замирающим от страха сердцем, висел над самой водой.

На тропинке, еще по-летнему твердой, местами потрескавшейся от жары, шуршали под ногами первые опавшие листья. Желтели снопы в поле, трещал кузнечик, одинокий трактор подымал зябь.

Раньше в это время я уезжал от бабушки, и грусть расставания смешивалась тогда с радостным ожиданием Москвы. Но сейчас я только приехал, и мне не хотелось возвращаться.

Я люблю отца и мать, уважаю их. Но что-то сломалось привычное, изменилось в доме, стало раздражать, даже мелочи. Например, мамино обращение к знакомым женщинам в мужском роде: «милый» вместо «милая», «дорогой» вместо «дорогая». Что-то было в этом неестественное, претенциозное. Как и в том, что свои красивые, черные с проседью волосы она покрасила в рыже-бронзовый цвет. Для чего, для кого?

Утром я просыпался: отец, проходя через столовую, где я сплю, хлопал шлепанцами – туфлями без задников. Он и раньше ими хлопал, но тогда я не просыпался, а теперь просыпался от одного предчувствия этого хлопанья, а потом не мог заснуть.

У каждого человека свои привычки, не совсем, может быть, приятные; приходится с ними мириться, надо притираться друг к другу. А я не мог притираться. Неужели я стал психом?

Мне стали неинтересны разговоры о папиной и маминой работе. О людях, про которых я слышал много лет, но ни разу не видел. О каком-то негодяе Крептюкове – фамилия, ненавистная мне с детства; я готов был задушить этого Крептюкова. Потом оказалось, что Крептюкова душить не следует, наоборот, надо защищать, его место может занять гораздо худший Крептюков. Конфликты на работе неизбежны, глупо все время говорить о них. Я вставал из-за стола и уходил. Это обижало стариков. Но я ничего не мог поделать с собой.

Все это было тем более удивительно, что мы были, как говорится, *дружной* семьей. Ссоры, разлады, скандалы, разводы, суды и тяжбы – ничего этого у нас не было и быть не могло. Я никогда не обманывал родителей и знал, что они не обманывают меня. То, что они скрывали от меня, считая меня маленьким, я воспринимал снисходительно. Это наивное родительское заблуждение лучше снобистской откровенности, которую кое-кто считает современным методом воспитания. Я не ханжа, но в некоторых вещах между детьми и родителями существует дистанция, есть сфера, в которой следует соблюдать сдержанность; это не мешает ни дружбе, ни доверию. Так всегда и было в нашей семье. И вдруг мне захотелось уйти из дома, забиться в какую-нибудь дыру. Может быть, я устал от экзаменов? Тяжело переживаю неудачу? Старики ни в чем меня не упрекали, но я подвел, обманул их ожидание. Восемнадцать лет, а все сижу на их шее. Мне стало стыдно просить даже на кино. Раньше была перспектива – университет. Но я не смог добиться того, чего добиваются десятки тысяч других ребят, ежегодно поступающих в высшие учебные заведения.

2

Старые гнутые венские стулья в маленьком дедушкином доме. Скрипят под ногами ссохшиеся половицы, краска на них местами облупилась, и видны ее слои – от темно-коричневого до желтовато-белого. На стенах фотографии: дедушка в кавалерийской форме держит в поводу коня, дедушка – объездчик, рядом с ним два мальчика – жокеи, его сыновья, мои дяди, – тоже держат в поводу лошадей, знаменитых рысаков, объезженных дедушкой.

Новым был увеличенный портрет бабушки, умершей три года назад. На портрете она точно такая, какой я ее помню, – седая, представительная, важная, похожая на директора школы. Что в свое время соединило ее с простым лошадиником, я не знаю. В том далеком, отрывистом, смутном, что мы называем воспоминаниями детства и что, возможно, есть только наше представление о нем, были разговоры, будто из-за дедушки сыновья не стали учиться, заделались лошадиниками, потом кавалеристами и погибли на войне. А получи они образование, как хотела бабушка, их судьба, вероятно, сложилась бы по-другому. С тех лет у меня сохранились сочувствие к дедушке, который никак не был виноват в гибели сыновей, и неприязнь к бабушке, предьявлявшей ему такие несправедливые и жестокие обвинения.

На столе бутылка портвейна, белый хлеб, совсем не такой, как в Москве, гораздо вкуснее, и вареная колбаса неопределенного сорта, тоже вкусная, свежая, и масло со слезой, завернутое в капустный лист. Что-то есть особенное в этих простых произведениях районной пищевой промышленности.

– Пьешь вино? – спросил дедушка.

– Так, понемногу.

– Сильно пьют молодежь, – сказал дедушка, – в мое время так не пили.

Я сослался на большой объем информации, получаемой современным человеком. И на связанную с этим обостренную чувствительность, возбудимость и ранимость.

Дедушка улыбался, кивал головой, как бы соглашаясь со мной, хотя, скорее всего, не соглашался. Но свое несогласие он выражал редко. Внимательно слушал, улыбался, кивал головой, а потом говорил что-нибудь такое, что хотя и деликатно, но опровергало собеседника.

– Я как-то раз выпил на ярмарке, – сказал дедушка, – меня мой родитель та-ак вожжами отделал.

Он улыбался, добрые морщинки собирались вокруг его глаз.

– Я бы не позволил!

– Дикость, конечно, – охотно согласился дедушка, – только раньше отец был глава семьи. У нас, пока отец за стол не сядет, никто не смеет сесть, пока не встанет – и не думай подыматься. Ему и первый кусок – кормилец, работник. Утром отец первым к умывальнику, за ним старший сын, потом остальные – соблюдалось. А сейчас жена чуть свет на работу убегает, поздно приходит, усталая, злая: обед, магазин, дом... А ведь сама зарабатывает! Какой муж ей авторитет? Она ему уважения не оказывает, за ней и дети. Вот он и перестал чувствовать свою ответственность. Зажал трешку – и за пол-литром. Сам пьет и детям показывает пример.

В чем-то дедушка был прав. Но это только один аспект проблемы, и, возможно, не самый главный.

Точно угадав мои мысли, дедушка сказал:

– Я не призываю к кнуту и к домострою. Как раньше люди жили – их дело. Мы за предков не отвечаем, мы за потомков отвечаем.

Правильная мысль! Человечество отвечает прежде всего за своих потомков!

– Сердца вот пересаживают... – продолжал дедушка. – Мне семьдесят – на сердце не жалуюсь, не пил, не курил. А молодые и пьют и курят – вот и подавай им в сорок чужое сердце. И не подумают, как это: нравственно или безнравственно?

– А ты как считаешь?

– Я считаю, безусловно, безнравственно. На все сто процентов. Лежит человек в больнице и ждет не дождется, когда другой сыграет в ящик. На улице гололед, а ему праздник: кто-нибудь расшибет котелок. Сегодня пересаживают сердца, завтра возьмутся за мозги, потом начнут из двух несовершенных людей делать одного совершенного. Например, слабосильному вундеркинду пересадят сердце здорового болвана или, наоборот, болвану – мозги вундеркинда; будут, понимаешь, свинчивать гениев, а остальные на запчасти.

– Есть у меня один знакомый писатель, – поддержал я дедушкину мысль, – хочет написать такой рассказ. Больному человеку пересаживали сердца от разных зверей и животных. Но ни с одним таким сердцем он не мог жить – перенимал характер того зверя, от которого получал сердце. Сердце льва – становился кровожадным, осла – упрямым, свиньи – хамом. В конце концов он пошел к врачу и сказал: «Верните мне мое сердце, пусть больное, но зато мое, человеческое».

Я сказал неправду. Знакомых писателей у меня нет. Этот рассказ я собирался написать сам. Но было стыдно признаться дедушке, что пописываю. Я еще никому не признавался.

– В общем, лучше здоровое сердце, чем большой желудок... – Такой старомодной шуткой дедушка заключил медицинскую часть нашего разговора и перешел к деловой: – Делать чего собираешься?

– Работать пойду. Заодно буду готовиться к экзаменам.

– Рабочие кругом требуются, – согласился дедушка, – вон дорогу строят, автомагистраль Москва-Поронск. Знаешь Поронск?

– Слышал.

– Старинный город, церкви, соборы. Ты стариной не увлекаешься?

– Что-то не тянет.

– Сейчас старина в моде, даже молодые пристрастились. Ну, а в Поронске этой старины на каждом шагу, иностранцы приезжают. Вот и строят международный туристский центр, а к нему – магистраль. По всему городу объявления: требуются рабочие, полевые-командировочные платят. Заработает, потом седи зиму – занимайся. И все дела.

3

Итак, эта прекрасная мысль пришла в голову дедушке, с его практическим умом и мудростью. Он вообще считал, что меня воспитывают слишком домашним, тепличным и мне надо *попробовать жизни*. Мне казалось даже, что он доволен моим непоступлением в университет. Может быть, он против высшего образования? Последователь Руссо? Считает, что цивилизация ничего хорошего людям не принесла? Но дал же он образование своей дочери – моей маме. Просто дедушка хочет, чтобы я *попробовал жизни*. А заодно пожил бы у него и тем скрасил его одиночество.

Меня это тоже устраивало.

Никаких объяснений с родителями не потребуется. Я поставлю их перед совершившимся фактом. Здесь меня никто не знает, и я буду избавлен от прозвища «Крош» – оно мне порядком надоело. Поработаю до декабря, вернусь домой с деньгами. У меня есть водительские права, любительские, мне их обменяют на профессиональные. В виде исключения: в школе мы изучали автодело, проходили практику на автобазе. Поезжу с отрядом по стране, буду готовиться к экзаменам. Что делать вечером в поле? Сиди почитывай. Это не чистенький, светлый цех, где восемь часов торчишь на одном и том же месте. Это не киношная романтика с торжественными провожаниями на вокзале, речами и оркестрами. Было что-то очень привлекательное в этих вагончиках на обочине дороги – дымок костров, кочевая жизнь, дальние дороги, здоровенные загорелые парни в брезентовых рукавицах. И эти девушки с оголенными руками, со стройными ногами, в косынках, надвинутых на лоб. Что-то сладкое и тревожное щемило мне сердце.

Но объявления висят давно. Возможно, люди уже набраны. С единственной целью выяснить ситуацию я отправился на участок.

Вагончики стояли на обочине полукругом. Между ними были натянуты веревки, на них сушилось белье. Один конец веревки был привязан к Доске почета. Несколько в стороне располагалась столовая под большим деревянным навесом.

По приставной лестнице я поднялся в вагончик с табличкой «Управление дорожно-строительного участка».

В вагончике за столом сидел начальник. За чертежной доской – модная девчонка с косящим на дверь глазом. Сейчас она скосилась на меня.

– Я по поводу объявления, – обратился я к начальнику.

– Документы! – коротко ответил он. Ему было на вид лет тридцать пять, сухощавый человек с нахмуренным лицом, озабоченный и категоричный администратор.

Я протянул паспорт и водительские права.

– Права любительские, – заметил он.

– Я их обменяю на профессиональные.

– Нигде еще не работал?

– Слесарем работал.

Он недоверчиво сощурился:

– Где ты работал слесарем?

– На автобазе, на практике по ремонту машин.

Он перелистал паспорт, посмотрел прописку.

– Сюда зачем приехал?

– К дедушке.

– На деревню дедушке... В институте провалился?

– Не поступил.

– Пиши заявление: прошу зачислить подсобным рабочим. Обменяешь права – переведем на машину.

Несколько неожиданно. Ведь я пришел только выяснить ситуацию.

– Я бы хотел сначала обменять права и сразу сесть на машину.

– У нас и сменишь. Напишем в автоинспекцию.

Ясно! Начальник заинтересован в рабочей силе, особенно в подсобниках. Никто не хочет идти на физическую работу. Это только теперь так деликатно называется – подсобный рабочий. Раньше называлось – чернорабочий.

Я не боюсь физической работы. Могу, если надо, поворочать гравий лопатой. Но зачем же я проходил практику на автобазе? У меня хватило ума сказать:

– Не можете посадить на машину, возьмите пока в слесари. Зачем же я буду квалификацию терять?

Начальник недовольно сморщился. Ему очень хотелось всучить мне лопату и грабли.

– Еще надо проверить твою квалификацию.

– Для этого есть испытательный срок.

– Все знает! – усмехнулся начальник, обращаясь к чертежнице. Видно, у него такая манера: обращаться не к собеседнику, а к третьему лицу.

Чертежница ничего не ответила. Опять скопилась на меня.

– Слесари на повременке, много не заработаешь, – предупредил начальник.

– Понятно, – ответил я.

– И жить придется в вагончике, – продолжал начальник, – механизмы работают в две смены – слесарь должен быть под рукой.

Надо бы пожить недельку с дедушкой. Но жизнь в вагончике меня тоже привлекала.

– Можно и в вагончике.

– Ладно, – нахмурился он, – пиши заявление.

Я присел и на краю стола написал заявление: «Прошу зачислить меня слесарем по ремонту, с дальнейшим переводом на машину».

Вручив его начальнику, я спросил:

– В каком вагончике я буду жить?

– Видали его! – Он опять обратился к чертежнице. – Спальное место ему подавай! Ты сначала поработай, заслужи.

С этими словами он размашисто начертал на углу моего заявления: «Зачислить с двадцать третьего августа».

Сегодня двадцать второе августа.

Только выйдя из вагончика, я осознал нелепую скоропалительность своего поступка. Куда и зачем я торопился? Не хватило духу сказать: «Я подумаю». Ведь я пришел только выяснить ситуацию. Каждый человек, решая свою судьбу, должен взвесить все. А я проявил слабость, поддался внешним обстоятельствам. С той минуты, как вошел в вагончик, сразу стал *оформляемым на работу*, действовал не так, как это нужно мне, а как нужно начальнику участка. Удивительно даже, как я сумел отбиться от лопаты и граблей. Нажми он на меня чуть сильнее – я бы на лопату согласился и на грабли. Меня оформили слесарем; я считал это своей победой, на самом деле это было поражением. Начальник участка предложил мне наилучший вариант (чернорабочий), чтобы потом, сделав якобы уступку, зачислить простым слесарем, вместо того чтобы принять шофером. Он надул меня, оболванил, обьегорил. Я даже не спросил, какой у меня будет оклад! Повременка, а какая повременка? Сколько мне будут платить? Что я здесь заработаю? Неудобно, видите ли, спрашивать. Болван. Сноб! Ради оклада люди и работают, а меня это, видите ли, не интересует.

И как быть с дедушкой! Вчера приехал, завтра уйду на работу. Хоть бы пожил с недельку со стариком. Он так этого хотел, пять лет мы с ним не виделись. Чертовски неудобно получилось! Просто ужасно.

Я шел вдоль трассы. Так же работали загорелые парни в брезентовых рукавицах и девушки в майках с оголенными руками и стройными ногами. Дымился асфальт. Подъезжали и отъезжали самосвалы. Мне это не казалось таким привлекательным, как вчера. Грубые, незнакомые, чужие лица. На практике мы были школьники, чего с нас спрашивать? А здесь пощады не жди, никто за тебя вкалывать не будет. Какой я, в сущности, слесарь? Отличу простой ключ от торцового, отвертку от зубила, могу отвинтить или завинтить, что покажут. А если поручат самостоятельную работу? Здесь не ждут, тут давай, тут строительство. Вкапался в историю.

Дома я без обиняков все объяснил дедушке. Пришел выяснить ситуацию, а они сразу зачислили меня на работу.

– А ты думал, – рассмеялся дедушка, – людей-то не хватает.

4

Все оказалось проще, чем я думал. Дорожный участок переходит с места на место, и люди часто меняются. Одни увольняются, набираются новые, а те, что работают постоянно, не видятся неделями, мало знакомы, а то и вовсе не знакомы – трасса растянута на сорок километров. На новеньких здесь не обращают внимания. Даже не знают, кто новенький, кто не новенький.

Главная работа не асфальтирование, или, как здесь говорят, сооружение покрытия, а устройство земляного полотна. Тут много машин: экскаваторы, бульдозеры, канавокопатели, самосвалы. Потому здесь же и слесарная мастерская: навес, верстак, тиски, точило, наковальня, сверло, пресс, сварка, кладовая запчастей. Работа примитивная: что-нибудь подогнуть, заклепать, просверлить, отнести на трассу какую-нибудь часть – механизатор сам ее поставит. Механизаторы опытные, привыкли в полевых условиях все делать сами. На ремонтников не надеются. У ремонтников стандартный ответ: «Мы на повременке, нам торопиться некуда». Подчеркивают этим, что механизатор выгоняет в месяц до двухсот рублей, а ставка слесаря, скажем, моего разряда – шестьдесят пять.

Мастерская держится на механике. Его фамилия Сидоров. Пожилой, опытный механик. Главное, понимает, что с нас взять нечего: все делает сам, а мы на подхвате. И никогда нам не выговаривает. Только когда кто-нибудь уж чересчур начнет канючить, жаловаться на жару или еще на что, скажет:

– На фронте жарче было.

Он бывший фронтовик и до сих пор ходит в гимнастерке. Непонятно, как она у него сохранилась... Впрочем, это могла быть не фронтовая, а послевоенная гимнастерка.

Может, начальник участка – кстати, его фамилия Воронов – имеет влияние на автоинспекцию. Но все равно будет экзамен по вождению, по правилам движения, и главное, нужна новая медицинская справка о состоянии здоровья. Приедет квалифкомиссия в Корюков десятого сентября.

И потому, возвращаясь с работы, я сел за «Курс автомобиля». Самосвал объезжал трассу, долго собирал живущих в городе, и добирался я домой часов в семь, а то и в восемь. Усталый как черт. А здесь уже в одиннадцать часов выключают свет – город на ограниченном лимите электроэнергии.

Ко всему, понимаете ли, меня стали задерживать на работе. Один раз до ночи ремонтировали экскаватор. Машина в город уже ушла. Я остался ночевать в вагончике на койке, ее хозяин был в командировке. Потом задержали еще раз. Потом третий. Конечно, сейчас горячая пора, механизмы не должны простаивать, но не слишком приятно ночевать на чужой койке, без постели, не раздеваясь и опасаясь, что вот-вот вернется хозяин и даст тебе по шее. А главное, на носу экзамены, надо готовиться, а меня задерживают.

Я так и сказал начальнику участка Воронову.

– Через две недели квалифкомиссия, а вы мне не дадите подготовиться.

Разговор этот происходил в том же служебном вагончике, в присутствии той же чертежницы. Ее зовут Люда.

Обращаясь к ней, Воронов, усмехаясь, ответил:

– Видали его! Он учиться сюда пришел. А работать кто будет? Ломоносов? – Потом повернулся ко мне: – Я тебя предупреждал: слесарь может понадобиться в любое время.

– Да, вы предупреждали. Но вы обещали вагончик, а я живу в городе.

– Вот оно что. – Воронов нахмурился, будто я нанес ему тяжкое оскорбление, напомнив о его невыполненном обещании. – Хорошо, получишь место. – И угрожающе добавил: – Только уж тогда не хныкать.

Воронов невзлюбил меня, почему – не знаю. Возможно, чувствовал, что и он мне не нравится. Мне несимпатичны люди такого типа: властные, категоричные, насмешливые. В нем была скрытая каверзность, каждую минуту жди подвоха. Может быть, у него такой метод руководства: держать подчиненного в напряжении? Уступив в одном случае, он потом доказывал свою власть и преимущество в десяти других случаях. Так получилось и со мной. Я не поддался ему, не взялся за лопату и за грабли – одна зарубка, заставил дать место в вагончике – вторая.

Произошло это ровно через три дня. Мы с механиком Сидоровым были на трассе, меняли тягу у канавокопателя. Впереди двигался бульдозер, срезал блестящим ножом и отваливал в сторону грунт. Вел бульдозер Андрей, здоровый молчаливый парень.

Вдруг бульдозер остановился. Андрей вышел и что-то разглядывал на дороге.

Сидоров поставил тягу, велел мне закрепить ее, а сам пошел посмотреть, в чем причина остановки. Нагнувшись, Андрей и Сидоров что-то рассматривали на дороге.

Подъехал самосвал, из него вышел шофер Юра – красивый деловой парень в кожаной куртке с «молниями».

– Нашли клад, ребята? Я в доле.

Я затянул последнюю гайку и подошел к ним.

Бульдозер стоял перед маленьким холмиком, поросшим травой. Вокруг валялся низкий, полусгнивший штакетник.

Сидоров поднял из травы выцветшую деревянную звезду. Солдатская могила – видно, осталась еще с войны. Она была вырыта в стороне от прежней дороги. Но, прокладывая новую, мы спрямили магистраль. И вот бульдозер Андрея наткнулся на могилу.

Андрей сел в кабину, включил рычаги, нож надвинулся на холмик.

– Ты что делаешь? – Сидоров встал на холмик.

– Чего, – ответил Андрей, – сровняю...

– Я тебе сровняю! – сказал Сидоров.

– Разница тебе, где он будет лежать: над дорогой, под дорогой? – спросил шофер Юра.

– Ты в земле не лежал, а я лежал, может, рядом с ним, – сказал Сидоров.

В это время подъехал еще один самосвал. Из него вышел Воронов, подошел к нам, нахмурился:

– Стоим?!

Взгляд его остановился на могиле, на штакетнике; кто-то уже собрал его в кучку и положил сверху выцветшую звезду. На лице Воронова отразилось неудовольствие, он не любил задержек, а могила на дороге – это задержка. И он недовольно смотрел на нас, будто мы виноваты в том, что именно здесь похоронен солдат.

Потом сказал Андрею:

– Обойди это место. Завтра пришлю землекопов – перенесут могилу.

Молчавший все время Сидоров заметил:

– По штакетнику и по звезде видать, кто-то ухаживал, надо бы хозяина найти.

– Не на Камчатку перенесем. Придет хозяин – найдет. Да и нет никакого хозяина – сгнило все, – ответил Воронов.

– При нем документы могут быть или какие вещественные доказательства, – настаивал Сидоров.

И Воронов уступил. За что, конечно, Сидорову придется потом расплатиться. Потом. А пока расплатился я.

– Крашенинников! Поезжай в город, поспрашивай, чья могила.

Я был поражен таким приказанием:

– У кого же я буду спрашивать?

– У кого – у местных жителей.

– А почему именно я?

– Потому что ты местный.

– Я не местный.

– Все равно, у тебя здесь дедушка, бабушка...

– Нет у меня бабушки, умерла, – мрачно ответил я.

– Тем более, старые люди, – со странной логикой продолжал Воронов. – Город весь вот, – он показал кончик ногтя, – три улицы... Найдешь хозяина, попроси: пусть забирают могилу, что надо, поможем, перевезем, а не найдешь хозяина, зайди с утра в военкомат: мол, наткнулись на могилу, пусть пришлют представителя для вскрытия и переноса. Понял? – Он повернулся к Юре: – Добрось его до карьера, а там дойдет.

– А кто за меня будет работать? – спросил я.

– На твою квалификацию найдем замену, – насмешливо ответил Воронов.

Такой хам!

– Ну, поехали! – сказал Юра.

5

... Вторым заходом самолет дал на бреющем полете пулеметную очередь и снова скрылся, оставив за собой длинную, медленно и косо сползающую к земле голубоватую полосу дыма.

Старшина Бокарев поднялся, стряхнул с себя землю, подтянул сзади гимнастерку, оправил широкий командирский ремень и португепю, перевернул на лицевую сторону медаль «За отвагу» и посмотрел на дорогу.

Машины – два «ЗИСа» и три полуторки «ГАЗ-АА» – стояли на прежнем месте, на проселке, одинокие среди неубранных полей.

Потом поднялся Вакулин, опасливо посмотрел на осеннее, но чистое небо, и его тонкое, юное, совсем еще мальчишеское лицо выразило недоумение: неужели только что над ними дважды пролетала смерть?

Встал и Краюшкин, отряхнулся, вытер винтовку – аккуратный, бывалый пожилой солдат.

Раздвигая высокую, осыпающуюся пшеницу, Бокарев пошел в глубь поля, хмуро осмотрелся и увидел наконец Лыкова и Огородникова. Они все еще лежали, прижавшись к земле.

– Долго будем лежать?!

Лыков повернул голову, скопился на старшину, потом посмотрел на небо, поднялся, держа винтовку в руках, – небольшой, кругленький, мордастенький солдатик, – философски проговорил:

– Согласно стратегии и тактике, не должен он сюда залететь.

– Стратегия... тактика... Оправьте гимнастерку, рядовой Лыков!

– Гимнастерку – это можно. – Лыков снял и перетянул ремень.

Поднялся и Огородников – степенный, представительный шофер с брюшком, снял пилотку, вытер платком лысеющую голову, сварливо заметил:

– На то и война, чтобы самолеты летали и стреляли. Тем более, едем без маскировки.

Непорядок.

Упрек этот адресовался Бокареву. Но лицо старшины было непроницаемо.

– Много рассуждаете, рядовой Огородников! Где ваша винтовка?

– В кабине.

– Оружие бросил. Солдат называется! За такие дела – трибунал.

– Это известно, – огрызнулся Огородников.

– Идите к машинам! – приказал Бокарев.

Все вышли на пустую проселочную дорогу к своим старым, потрепанным машинам – двум «ЗИСам» и трем полуторкам.

Стоя на подножке, Лыков объявил:

– Кабину прошил, гад!

– Это он специально за тобой гонялся, Лыков, – добродушно заметил Краюшкин. – «Который, думает, тут Лыков?..» А Лыков эвон куда уполз...

– Не уполз, а рассредоточился, – отшутился Лыков.

Бокарев хмуро поглядывал, как Огородников прикрывает срубленным деревом кабину и кузов. Хочет доказать свое!

Командирским голосом он приказал:

– По машинам! Интервал пятьдесят метров! Не отставать!

Километров через пять они свернули с проселка и, приминяя мелкий кустарник, въехали в молодой березняк. Прибитая к дереву деревянная стрелка с надписью «Хозяйство Стручкова» указывала на низкие здания брошенной МТС, прижавшейся к косогору.

– Приготовить машины к сдаче! – приказал Бокарев.

Он вынул из-под сиденья сапожную щетку и бархатку и стал надраивать свои хромовые сапоги.

– Товарищ старшина! – обратился к нему Лыков.

– Чего тебе?

– Товарищ старшина, – Лыков понизил голос, – я бывал в этой ПРБ, тут порядки такие: кто прибыл без сухого пайка, тех посылают на продпункт, в город.

– Ну и что?

– В городе продпункт, говорю...

– Вам выдан сухой паек.

– А если бы не выдали?

Бокарев сообразил наконец, на что намекает Лыков, посмотрел на него.

Лыков поднял палец.

– Город все-таки... Корюков называется. Женский пол имеется. Цивилизация.

Бокарев завернул щетку и мазь в бархатку, положил под сиденье.

– Много берете на себя, рядовой Лыков!

– Обстановку докладываю, товарищ старшина.

Бокарев оправил гимнастерку, ремень, португую, просунул палец под подворотничок, покрутил шей.

– И без тебя есть кому принять решение!

Обычная, известная Бокареву картина ПРБ – походно-ремонтной базы, размещенной на этот раз в эвакуированной МТС. Рокочет мотор на стенде, шипит паяльная лампа, трещит электросварка; слесаря в замасленных комбинезонах, под которыми видны гимнастерки, ремонтируют машины. Двигается по монорельсу двигатель; его придерживает слесарь; другой, видимо механик, направляет двигатель на шасси.

Мотор не сядил на место, и механик приказал Бокареву:

– А ну-ка, старшина, попридержи!

– Еще не приступил к работе, – отрезал Бокарев. – Где командир?

– Какой тебе командир?

– Какой... Командир ПРБ.

– Капитан Стручков?

– Капитан Стручков.

– Я капитан Стручков.

Бокарев был опытный старшина. Он мог ошибиться, не распознав в механике командира части, но распознать, разыгрывают его или нет, – тут уж он не ошибется. Его не разыгрывали.

– Докладывает старшина Бокарев. Прибыл из отдельной автороты сто семьдесят второй стрелковой дивизии. Доставил пять машин в ремонт.

Он лихо приложил, потом отбросил руку от фуражки.

Стручков насмешливо осмотрел Бокарева с головы до ног, усмехнулся его надраенным сапогам, его франтоватому виду.

– Очистите машины от грязи, чтобы блестели, как ваши сапоги. Ставьте под навес и приступайте к разборке.

– Понятно, товарищ капитан, будет исполнено! Позвольте обратиться с просьбой, товарищ капитан!

– Какая просьба?

– Товарищ капитан! Люди с передовой, с первого дня. Позвольте в город сходить, в баньке помыться, письма послать, купить кое-чего по мелочи. Завтра вернемся, отработаем – очень просят люди.

Все просятся в город. И лучше отпустить их сейчас, иначе потом сами будут бегать. Раньше чем через два дня их машины все равно не пойдут в ремонт – очередь. А уж тогда он с этого фронта потребует работу.

– Идите! Завтра к вечеру быть здесь. Опоздание – самоволка.

Теперь они шли по полевой дороге. Впереди Бокарев с Вакулиным, за ними Краюшкин, Лыков и Огородников. Над ними хмурое осеннее небо, вокруг неубранные поля.

– Какие хлеба богатые погибают... – вздохнул Краюшкин.

– Сентябрь, – подхватил Лыков, – в сентябре свадьбы гуляют.

– Жених нашелся, – усмехнулся Огородников.

– А чего ж, – примирительно сказал Краюшкин, – он еще парень молодой, может жениться. Хочешь жениться, Лыков?

– Да я уж три года как женат.

– И молодец! – одобрил Краюшкин. – Рано жениться – детей вовремя вырастить. Сейчас ребята у меня большие: один в ремесленном, другой в школе. А вспоминаю я их маленькими. Спать их, бывало, уложишь, а они все не утомляются, головки с подушек поднимают, как ежики. Младший, Валерик, добрый, жалостливый, кошек, собак любит, кроликами интересуется. Какой где птенчик из гнезда выпал – обратно положит. Доктором будет.

– «Дети – цветы жизни», глубокомысленно изрек Лыков, – Максим Горький сказал. Сейчас, конечно, трудно – война, да ведь на то они и дети, в любом климате акклиматизируются: приспособливается детский организм.

– К голоду не приспособишься, – желчно заметил Огородников.

– Извините, что перебиваю вас, – опять обратился Лыков к Краюшкину, хотя вовсе не перебивал его, – но детям надо давать самостоятельность. В какой-то книжке я читал, видный ученый написал, профессор...

– Лыков! – перебил его Огородников. – А у тебя дети-то есть?

– Не пришлось обзавестись.

– А рассуждаешь – боронишь, как борона.

– Нет, – возразил Лыков, – я хоть в этом деле не специалист, но скажу...

Огородников опять перебил его:

– Чтобы детей иметь, специальность не требуется. У меня их четверо, без университетов сработал.

Краюшкин аккуратно прислонил окурок, спрятал его за отворот пилотки, рассудительно заключил:

– Да, трудно с детьми, и без детей худо. Я и на Кузнецком работал, и в Магнитогорске, бросало во все стороны. Бараки, особенно не разгуляешься, тем более с детьми.

– Выходит, вы заслуженный человек, товарищ Краюшкин, – восхитился Лыков, – все пятилетки объездили.

– Довелось, – подтвердил Краюшкин. – Представляли меня к медали «За трудовое отличие», да затерялись где-то бумаги. Все думали: получит Краюшкин медаль, а он не получил. Смеху было...

– На фронте получите, – утешил его Лыков. – Теперь, как вперед пойдем, их много будут раздавать, мне один лейтенант говорил.

– Получишь свинцовую медальку в грудь, – проворчал Огородников.

Некоторое время они шли молча, потом Лыков сказал со вздохом:

– Сейчас бы неплохо буханочкой в зубах поковырять.

– Не мешало бы, – согласился Краюшкин, – сесть на пенек да съесть пирожок.

В лесу слышались треск, шорох, опять треск, и все стихло.

Солдаты остановились, прислушались.

Лес стоял неподвижно под низкими тоскливыми серыми облаками.

– Пошли! – сказал Бокарев.

И вдруг небольшой конусообразный предмет, похожий на гранату, вылетел из леса и упал к ногам Вакулина.

– Залечь! – крикнул Бокарев.

Они упали там, где стояли.

Граната лежала прямо против Вакулина, но не взрывалась. Он открыл глаза и со страхом посмотрел на нее, потом чуть подался вперед – перед ним лежала большая коричневая шишка.

Он встал, поднял шишку. Солдаты тоже встали.

Вакулин сделал несколько шагов к лесу.

На дереве, свесив босые ноги, сидела девчонка лет семнадцати и улыбалась.

– Ты что, дура, делаешь, – сказал Вакулин, – а если бы я тебя, дуреха, пристрелил?!

– Вояка – шишки испугался, – рассмеялась девчонка, дерзко глядя в глаза Вакулину: видно, ей понравился молоденький хорошенький солдатик.

– Не у места такие шутки, девушка, – заметил Огородников.

Краюшкин добродушно качнул головой:

– Шустрая.

Снова раздался треск – коза с большим выменем и грязной, свалывшейся под брюхом шерстью обдирала кору с деревьев.

– Ты откуда? – строго спросил старшина Бокарев девчонку.

– А вон из Федоровки, из деревни...

Она мотнула головой в сторону поля.

– У вас в деревне все девки такие веселые? – спросил Лыков.

– Для кого веселые, для кого нет, – бойко ответила девчонка, поглядывая на Вакулина.

– Музыкальные инструменты есть, баян, например?

– Есть! Четыре патефона и одна пластинка.

– А звать тебя как?

– Нюра.

– Товарищ старшина, – предложил Лыков, – чем в город тащиться, пойдем в деревню.

– Непорядок, – возразил Огородников, – отпросились в город, надо идти в город.

Возражение Огородникова решило дело.

Бокарев хмуро посмотрел на него, перевел взгляд на девчонку:

– Зачем на дерево взобралась?

– Козы боюсь, бодается, – засмеялась она.

– Рядовой Огородников! – распорядился Бокарев. – Отвязать козу и препроводить в населенный пункт.

6

Почему именно я должен ходить по домам? Спрашивать, чей покойник на дороге? Могли послать того же Юру на машине, с запиской в военкомат. Хозяина могилы все равно не найдешь. Нет никакого хозяина, все заросло травой. Воронов нарочно дал мне такое нелепое поручение. Повозись, мол, брат, походи, здесь на трассе ты особенно не требуешься. И стыдно перед дедушкой: сразу поймет, на каком я тут положении – мальчик.

Но дедушка отнесся к этому делу нормально.

Он сидел против меня. Смотрел, как я рублю творог со сметаной со здоровенным куском хлеба. Морщинки собрались в уголках его глаз; он улыбался моему молодому, здоровому аппетиту. Мне нравится такая старость – мудрая, умиротворенная. Человек не суетится, мало думает о себе, а больше о других, спокоен и доброжелателен. И наоборот, очень не нравятся нервные, раздражительные, беспокойные старики.

– Солдатских могил тут много, – сказал дедушка. – В сорок втором немцы прорвались на юг, на Сталинград и на Кавказ. Бои были тяжелые. Какие могилы раскопали, перенесли в братские, обелиски поставили, – видел, наверно... А эта могила, значит, осталась. И хозяин, видно, был: по штакетнику можно судить, кто их в войну ставил, эти штакетники! Кто-то ухаживал, только, может быть, умер уже. Ладно, не горюй, я похожу, поспрашиваю.

Получилось как в сказке: дедушка ушел порасспрашивать, а я лег спать. Проснулся, когда было уже совсем темно. В окне виднелись огни соседских домов. Было слышно, как дедушка возится на кухне, с кем-то разговаривает.

Я не стал прислушиваться. Мне неинтересны люди, посещающие дедушку, такие же пенсионеры, как и он, старики и старухи. Он знакомил меня с ними, представлял их важными, значительными, даже выдающимися людьми. Тот – генерал в отставке, чуть ли не принимал капитуляцию Германии. Другой – бывший директор завода, конечно, самого большого в СССР. Эта старая большевичка чуть ли не с самим Лениным работала. Но эти выдающиеся знаменитости обсуждали что-то мелкое, житейское, незначительное, свои заботы, хвори, неудачи. Все это обсуждалось у дедушки. Потом дедушка надевал фуражку и отправлялся по учреждениям. Ходил, хлопотал, устраивал больных в больницу, детишек в ясли и детские сады, добивался пересмотра дела в суде, всяких там переселений и улучшений бытовых условий. Хотя сам был не моложе своих просителей, даже старше. Но был здоров, не признавал врачей, от всех болезней сам употреблял и другим рекомендовал гнилые яблоки.

Я встал, включил свет, побегал на месте, разминаясь.

Между тем дедушка проводил своего посетителя и вошел в комнату:

– Отоспался? Нет? Поужинай и снова ложись. Гречневую кашу как предпочитаешь? С молоком, с маслом?

Я предпочел и с молоком и с маслом.

Пока я уминал кашу, дедушка рассказывал:

– Есть такие сведения, будто на могилу при дороге ходила женщина, Смирнова Софья Павловна, живет на улице Щорса, дом десять, – это новые наши дома. Думал я к ней зайти, да неловко через третьи руки. Сам поговоришь – отчитаешься перед начальством.

Я посмотрел на часы – половина десятого.

– Сейчас, пожалуй, поздно.

– Поздно. Завтра с утра сходи.

Утром я не слишком торопился. Рабочий день пропал, на трассу я уже не поеду. Пришел я в новые панельные дома часам к двенадцати. Они выглядели довольно нелепо среди огородов и старых дровяных сараев. Дети играли на деревянных мостках, сушилось белье.

И маленькая квартирка, в которую я попал, тоже производила впечатление деревенского быта, втиснутого в городской дом. На полах цветастые дорожки. На нитках сушатся грибы. Ведра на скамейке прикрыты плавающими в воде круглыми деревянными крышками. Пахнет капустой и солеными огурцами. В комнате громадный сундук, окованный железом. И как единственный знак современности – громадный телевизор марки «Рубин» старого выпуска.

Перед телевизором сидела старая, грузная женщина, с толстыми, отекавшими ногами. Она вопросительно посмотрела на меня. Я объяснил ей причину своего прихода.

– Ходили мы с подругами на могилу, – ответила Софья Павловна, – и в войну и после войны ходили, потом померли подруги мои, осталась я одна; тоже ходила, а теперь совсем больна стала, не двигаются ноги, в магазин спуститься и то проблема.

И снова воззрилась на телевизор. На экране элегантные молодые люди и девушки показывали танцевальные фигуры. Их комментировал еще более элегантный инструктор: «Дамы делают полуоборот направо, кавалеры – полуоборот налево...»

– В безвозвратно прошедшие годы, – вздохнула Софья Павловна, – была я большая любительница до танцев, обожала танцы – вальс, краковяк, падеспань. Призы брала.

– А фокстрот, чарльстон, шейк? – поинтересовался я.

– Все как есть танцевала, – ответила Софья Павловна, – курсов не кончала, да и не было в мое время ни курсов, ни телевизора – телевизор еще не изобретен был, – а я лишь посмотрю, как люди танцуют, и весь танец понимаю.

«Может быть, и правда в ней погибла великая исполнительница модных танцев...» – подумал я.

Сверху послышался топот.

– Кругом люди, – продолжала Софья Павловна, – а я одна. Ночью во всех углах трещит, а что трещит – не пойму.

– Сверчок, – предположил я.

– О сверчке я даже мечтаю. Не знаю только, как достать, – ответила старуха, глядя на меня как будто с надеждой: нет ли у меня сверчка?

Это выглядело смешно и грустно.

– А как фамилия солдата, кто он такой? – спросил я.

– И, милый... Кабы знала я его фамилию. Нету у него фамилии. Знаем только: закидал гранатами немецкий штаб, разгромил вчистую.

Я с удивлением посмотрел на нее. Такой героический поступок не мог остаться неизвестным. А вот никто, кроме нее, о нем не знает. Выдумывает, наверно. Выдумывает, что танцевала шейк, которого тогда и в помине не было. О сверчке мечтает.

– Пригнали нас ночью, – продолжала между тем Софья Павловна, – он ничком лежал; выкопали мы яму, они его туда и спихнули. Мужчина был представительный, высокий – яму длинную копали... Ходили мы с подругами, и одна я ходила, а теперь душа болит: лежит один в чистом поле, а что делать? Найдутся, думаю, добрые люди, доглядят. Школьники вот... Какие вещи после него остались, все им передала.

Она тяжело поднялась, подошла к окну, выглянула в него, крикнула:

– Дора Степановна, а Дора Степановна... Наташка твоя дома? Пусть зайдет, скажи...

Она вернулась, опустилась на стул.

– Вот Наташка тебе и покажет, ей все отдала.

Разговор с какой-то Наташкой совсем не входил в мои планы. Нет фамилии, нет документов, и фактически нет хозяина могилы. Так и доложу Воронову.

– Нет, зачем, – сказал я, вставая, – мне ведь только узнать надо было насчет могилы. Мы ее перенесем на другое место.

– А ты поинтересуйся, – сказала Софья Павловна, – может, школьники узнали его фамилию. У них ноги молодые. А я что? Ходила тут к одному, к Михееву, сады богатые держит:

у него в войну солдат наш раненый от немцев прятался. Ходила к Агаповым – у них тоже был наш солдат. Никто ничего не знает – были солдаты и ушли. А больше и ходить не к кому было.

Я досадовал на старуху: зачем мне школьники? Но уходить было неудобно. Я сидел и ждал, когда явится Наташа.

А старуха смотрела телевизор. Танцы сменились передачей для детей, а она все смотрела. Наконец дверь открылась. Появилась Наташа.

Честное слово, никогда не думал, что в Корюкове, да еще в этих панельных домах, есть такие девочки!

7

И вот мы с Наташей идем по пустой школе. Шаги наши гулко отдаются в пустом коридоре. Справа – громадные окна, в их стекла бьет яркий солнечный свет. Слева – закрытые двери классов. Чудится, будто там идут уроки, хоть знаешь, что никаких уроков нет.

Мы спустились по коротко» боковой лестнице и очутились перед дверью, на которой было написано: «Штаб рейда „Дорогой славы отцов“. В моей школе не было такого штаба и не было такого рейда. Я знал об их существовании, но видел впервые.

На стенах лежали старые солдатские каски, пилотки, гильзы, винтовки без затворов, с зарубками на прикладе. Видно, отмечал снайпер, сколько немцев убил из нее.

На стенах висели увеличенные портреты воинов – суровые лики войны. Я сказал:

– Если бы даже на них не было гимнастерок, я бы сразу определил, что это солдаты Отечественной войны. Эпоха накладывает на лица свой отпечаток.

Не знаю, дошел ли до нее внутренний смысл моих слов. Наверно, не дошел, слишком серьезно она ответила:

– Эти солдаты погибли в наших местах. Мы разыскали их родственников.

Конечно, дело это нужное и полезное. Но меня не убедишь, что действительно есть энтузиасты рыть могилы, переносить останки, разыскивать родных, которые и без того знают, что их близкие погибли. Да и какие родственники сейчас, через тридцать лет? Отцы и матери умерли, дети забыли, внуки в глаза не видели.

Но Наташа мне понравилась, и я сочувственно заметил:

– Это было, наверно, чертовски трудно?

– Это было сложно, – ответила она.

У нее гладкое лицо и серые пристальные глаза. Стройная, смуглая, спортивная девчонка. Она мне сразу понравилась. Хотя я и сразу понял, что совершенно ей безразличен. Интерес у нее не возник, а когда интерес не обоюден – тогда мертвое дело.

Она рылась в большом книжном шкафу.

– Ты в каком классе – в девятом, в десятом?

Она ничего не ответила. Ей не нравятся мои вопросы? Почувствовала мой интерес? А что в нем предосудительного? Я знаю этих серьезных, замкнутых девчонок, это гроб с музыкой... И все же именно в таких девчонок я всегда врезываюсь. Их замкнутость, что ли, меня интригует? И чем бесперспективней, тем больше стараюсь. Мистика!

Она достала из шкафа сверток:

– Вот пакет Софьи Павловны. Здесь нет ни фамилии солдата, ни документов. Мы отложили розыск до осени.

Она развернула пакет и выложила его содержимое на стол: фотография, старая промокашка, кисет с вышитой на нем буквой «К», самодельная зажигалка из патрона, маленький картонный квадратик из детского лото с изображением утки.

Фотография была разорвана на четыре части, потом склеена. Пять солдат сидели на поваленном дереве на фоне леса. В середине – бравый, щеголеватый старшина со значком на груди, с медалью, с широким командирским ремнем и португеей через плечо. Справа от него – два молодых солдата, слева – два пожилых. Я перевернул фотографию. Там было написано: «Будем помнить ПРБ-96».

– Что за ПРБ-96?

– Название ремонтной части, их уже давно не существует, – ответила Наташа, – и найти ее невозможно. Когда часть строевая – полк, дивизия, – тогда легче. И потом, на карточке пять солдат. Кто из них в могиле – неизвестно.

Она говорила в воздух. Будто я не живой человек, а казенная единица, пришедшая посмотреть казенное дело.

– Слушай, – сказал я, – у вас тут, кажется, есть танцплощадка.

– Есть. – Она насмешливо посмотрела на меня. – Могут и тебя пустить, если подстрижешься.

– Дело идет к зиме – утепляюсь.

– А дорога – это что: романтика?

Итак, прояснилось ее мнение обо мне.

– Тут ты угадала: муза дальних странствий.

Я говорил и держался развязно. Тоже мистика! С девчонками, с которыми нужно держаться развязно, я серьезен. И наоборот: с кем нужно быть серьезным, говорю развязно. Чувствую, что все порчу, а иначе не могу. Я всегда стараюсь укрепить первое впечатление о себе, даже если это впечатление для меня невыгодно. Возможно, у меня какое-то психическое нарушение – делать все во вред себе.

– Кстати, дай мне фотографию, – сказал я.

– Зачем?

– Отчитаться перед начальством, а то скажут – не ходил. Я лицо должностное.

– Только верни, – после некоторого колебания ответила она.

– А как же, завтра же. Ты где живешь? Дом я знаю, а квартира?

Она пожала плечами:

– Какая тебе разница? Принеси в школу – мне передадут.

Понятно... И все же я ее так не отпущу. Вижу, что дело гиблое, а не отпущу. Психи мы, психи!

– Так как, договорились? Идем на танцы? Завтра!

– Завтра нет танцев.

– Послезавтра.

– Послезавтра я буду у бабушки.

– Послепослезавтра.

– Опять нет танцев.

– Ясно. А как насчет кино?

– Я видела эту картину.

– Какую?

Она засмеялась:

– Видела...

– Да, слушай, Софья Павловна сказала: про солдата знают ваши местные жители – Михеев и Агаповы. Известны тебе такие?

– Известны.

– Сходим узнаем, найдем этого солдата.

– Курьеры, курьеры, тридцать тысяч курьеров.

– Ты хочешь сказать, что это не так просто.

– Да, приблизительно это я и хотела сказать.

– А попытаться?

– Попытайся.

Из школы я отправился на почту. Дал телеграмму в Центральный военный архив:

«Прошу сообщить где в сентябре 1942 года находился ПРБ-96 жив ли кто-нибудь из его командиров их адреса».

Обратный адрес я указал: Корюков, дорожно-строительный участок, мне. Так запрос выглядел солиднее.

Квитанцию я скрепкой прикрепил к фотографии. Снова, на этот раз внимательно, рассмотрел ее. Солдаты сидели на поваленном дереве. У старшины через плечо висела полевая сумка, на левой стороне груди медаль, какая – не разберешь, а на правой – значок, по форме напоминающий гвардейский.

8

Вагончики и навес-столовая были ярко освещены. Уютно тарыхтела электростанция. Тишина, покой, отдых после тяжелого трудового дня.

Рабочие обедали за столами, сколоченными из толстых, обтесанных досок с врытыми в землю крестовинами.

Мои соседи по вагончику – бульдозерист Андрей, тот самый, что наткнулся на могилу, и шофер Юра, подвозивший меня в город, – помахали мне. Я подсел к их столику. С ними сидела чертежница Люда. Как я понял, у нее с Юрой любовь.

– Чего узнал? – спросил Юра.

Все равно придется докладывать Воронову. Я счел лишним рассказывать сейчас.

– Справки по ноль девять.

– Во дает! – восхитился моим ответом Андрей.

Из кармана куртки он вытащил пол-литра, разлил по стаканам. Люда мизинцем провела по самому доньшку, показала, сколько ей налить. На ней был немислимо короткий плащ с погончиками, этакий мини-плащ. Странно, что такая молодая девчонка работает на строительстве дороги и живет в вагончике. Может быть, из-за Юры?

Водку я не люблю. Но выпить пришлось. Как объяснил Андрей, мы выпиваем в честь моего переезда в вагончик. Сегодня они, старожилы, угощают меня, завтра я, новосел, угощу их – таков обычай.

Так объяснил Андрей.

За соседними столами тоже ужинали, шумели, галдели. Но Андрей, Юра и Люда держались особняком. Сидели с видом людей, которые обо всем уже переговорили, молча понимают друг друга, сознают свою значительность. В коллективе каждый создает себе положение как сумеет. Эти решили создать себе положение, держась независимо и значительно.

Мимо нас прошел инженер Виктор Борисович, пожилой интеллигентный человек с помятым лицом. Окинул наш стол внешне безразличным, а на самом деле зорким взглядом.

– Присаживайтесь, Виктор Борисович, – пригласил его Андрей, придвигая табуретку.

Виктор Борисович присел чуть в стороне, оперся на палку. Не то сидел с нами, не то сам по себе.

Андрей налил и ему.

Ужин кончался, рабочие расходились. Официантка Ирина с подносом в руках собирала со столов посуду.

– Ириночка, прелесть моя, – Виктор Борисович погладил ее руку, – какая ручка, какое чудо!.. Радость моя, попросите на кухне немного льда и томатный сок.

– Ладно, – недовольно проговорила Ирина и пошла дальше, собирая на поднос посуду. У нее довольно правильные, даже тонкие черты лица, испорченные, однако, выражением недовольства.

– Только в глуши попадаются такие иконописные лица. И имя византийское – Ирина, – сказал Виктор Борисович.

– Византия – Константинополь – Стамбул, – небрежно проронил Юра, показывая свою образованность.

– Ирина, жена византийского императора Льва Четвертого, красавица, умница, – Виктор Борисович бросил в стакан лед, добавил томатного сока, – управляла государством вместо своего сына Константина, которого свергла с престола и ослепила.

Ребята с интересом слушали этого пожилого, видно, образованного застольного красноречивого.

– Какие женщины были! – заметил Юра.

– То есть! – многозначительно произнесла Люда.

Это выражение обозначало у нее высшую степень согласия.

– Сына ослепила! – возмутился Андрей. – Ее надо было посадить на кол, четвертовать, колесовать, расстрелять и повесить.

– Боже, какой кровожадный! – с деланным ужасом проговорила Люда.

Виктор Борисович продолжал:

– Не только не повесили, дорогой мой друг Андрей. А наоборот, была она высоко отмечена церковью за преследование иконоборцев, то есть тех, кто боролся с культом икон.

– И правильно преследовала, – заметила Люда, – сейчас иконы ценятся.

– Иконы – это другое, – возразил Андрей, – это древность, история. Поронск отстраивают – тоже древность, история.

Виктор Борисович вдруг опустил голову и печально проговорил:

– Неизвестно еще, где она, настоящая история. Возможно, в Поронске, а может быть, и еще где-то.

– В старину люди крупнее были, – объявил Юра, – кипели сильные страсти. Олег на лодках доходил до Цареграда.

– «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хозарам... – запел Андрей. У него был сильный низкий голос, а главное, могучая грудная клетка: он, наверное, мог бы заменить целый хор. – Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам...»

Юра и Люда подхватили:

– «Так громче, музыка, играй победу, мы победили, и враг бежит, бежит, бежит...»

И когда они прокричали это самое «бежит, бежит, бежит», в столовую вошел Воронов, скинул ее хмурым взглядом, подошел, сел за наш стол.

– Что, узнал?

Я положил перед ним фотографию и рассказал о Софье Павловне и о школе. О телеграмме, которую дал в Москву, естественно не сказал. О Наташе тоже.

Пока я рассказывал, фотография обошла всех и наконец задержалась у Виктора Борисовича: перед тем как рассмотреть ее, он долго дрожащими руками искал по карманам очки.

– Ясно, – сказал Воронов, – тетку нашли, а она ничего не знает. Фотография есть, а кто похоронен – неизвестно.

– Про то и разговор, – поддакнул я, намекая, что дело требует дальнейшего расследования: мне очень хотелось опять повидать Наташу.

Виктор Борисович наконец водрузил очки на нос. Рассматривая фотографию, сказал:

– Старшина – красавец. Как вы считаете, Люда?

– То есть!

С некоторым оттенком ревности Воронов заметил:

– Для нашей Люды один красавец – Юра. Он для нее Собинов плюс Шаляпин.

– Вас я тоже считаю красавцем, – парировала Люда.

– Спасибо! – поблагодарил Воронов.

Виктор Борисович показал на самого пожилого солдата:

– А этот на тебя похож, Сережа, как будто твой отец или дед.

– У меня все предки живы до четвертого колена, – соврал я, – наша семья славится долголетием. Железные нервы.

– Видали его! – сказал Воронов, обращаясь на этот раз ко всем за столом. – Какой долгожитель! Все! Завтра переносим могилу. Твоя миссия окончена, Мафусаил!

Железобетонным голосом я возразил:

– Во-первых, я должен вернуть фотографию. Во-вторых, надо пойти к одному человеку, по фамилии Михеев, и к женщине, по фамилии Агапова. При немцах у них прятались наши солдаты.

– Нет уж, – еще более железобетонным голосом ответил Воронов, – мы свое дело сделали. А остальным пусть занимаются школьники, военкомат – кому положено. Все. Точка.

– Но я обещал прийти. Меня будут ждать. Люди!

– Видали его! – снова обратился Воронов к сидящим за столом. – То вовсе не хотел идти, а теперь бежит – не остановишь. А кто за тебя будет работать?

– Вы сами говорили: на мою квалификацию замена найдется, – напомнил я.

– Все помнит! – заметил Воронов.

Рабочие кончили ужинать, разошлись. Столовая опустела. Официантка Ирина подметала пол.

Виктор Борисович положил на стол фотографию, пробормотал:

– «Великий Цезарь, обращенный в тлен, пошел, быть может, на обмазку стен...»

– Шекспир, «Гамлет»! – заметил я.

– Знает! – кивнул головой Воронов, хлебая борщ.

– Если солдат этот действительно разгромил немецкий штаб, тогда стоит поискать, – заметил Андрей.

– Прошлое обрастает легендами, люди создают мифы, – пробормотал Виктор Борисович.

– Герой не герой, – сказал Юра, – а разыскать его невозможно. В войну погибли миллионы... Только надо и о живых думать. А кому до нас дело? Сидим в поле.

– Переходи на такси. – Воронов отодвинул тарелку, встал. – Завтра переносим могилу. А ты, – он обращался ко мне, – как-нибудь вечером на попутной машине отвези фотографию.

И вышел из столовой.

Официантка Ирина с веником в руках и византийским выражением на лице только этого и ждала:

– А ну подымите копыта!

9

Есть теория, будто внимание приятно любой девушке, льстит ее самолюбию. Теория эта несостоятельна. При моем появлении на лице Наташи изобразилась досада. Я был ей неинтересен, неприятен, может быть, даже противен.

Прав Пушкин: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Я нарушил завет великого поэта.

По двору она шла со мной, как сквозь строй, как на Голгофу.

Судачили женщины. Мужчины под грибком забивали «козла». Парни в подъезде своими взглядами дали мне понять, что если я еще раз появлюсь здесь с девчонкой с ихнего двора, то они самое малое оторвут мне голову.

Стараясь держаться возможно официальнее, я сказал Наташе, что могилу мы переносим. Но должны получить разрешение вышестоящих инстанций; требуется знать, чья могила. Таково правило. Таков закон. Их мы не смеем нарушить, иначе остановится строительство дороги. А дорога должна быть закончена в твердые сроки. От этого зависит открытие международного туристического центра в Поронске. Туристический центр – это, между прочим, валюта. Недобор валюты – подрыв государственного бюджета.

Так я ей все это расписал, так разукрасил. Она если не смягчилась, то, во всяком случае, прониклась серьезностью задачи. И сам я, несомненно, вырос в ее глазах. С этого бы мне, дураку, и начинать тогда в школе, а я завел бодягу насчет танцев. Впрочем, возможно, все к лучшему. Ей теперь не может не быть стыдно за то, что ошибочно приняла меня за пошляка и циника.

Михеева, сухошавого старика с садовым ножом на поясе и двустволкой в руках (он стрелял по галкам), мы застали в саду. Пахло яблоками. У ворот лежали кучи песка, торфа, навоза. На цепи рвалась и лаяла овчарка.

– Скажите, пожалуйста, у вас в войну лежал наш раненый солдат? – спросила Наташа. Задавать такие вопросы было для нее делом привычным.

Михеев оперся на ружье, посмотрел на нас:

– Какой такой солдат?

– Наш, советский, при немцах, – пояснила Наташа.

– Был у меня солдат, был, а как же, – охотно подтвердил Михеев.

– Вы его фамилию не помните?

– Как можно помнить то, чего не знал, – ответил Михеев, – чего не знал, того не знал.

И не знаю.

Я протянул ему фотографию:

– Есть он здесь?

Михеев надел очки:

– Зрение уже не то, да и времени прошло много, стираются детали в памяти человеческой.

Он долго рассматривал фотографию. Потом посмотрел на меня, на Наташу и показал на самого молодого солдата:

– Вот этот.

На снимке, справа от старшины, сидели два солдата. Один совсем молоденький, беленький – на него и показал Михеев.

– Вот этот солдат и был у меня. Звали его Иваном. Фамилии не знал и не знаю. А зачем он вам нужен, солдат этот?

Я объяснил. Мы нашли могилу при дороге. Выясняем личность солдата. Никаких документов при нем, кроме этой фотографии, не было.

Михеев выслушал мои объяснения, потом сказал:

– Лежал он у меня раненый, а тут немцы вошли в город. Он не пожелал остаться: найдут, говорит, лучше в лес податься. Собрался, я его на тропку вывел, он ушел.

Я спросил, не слышал ли Михеев о нападении на немецкий штаб и не этот ли солдат совершил такой геройский поступок.

– Слышали мы про взрыв штаба, – ответил Михеев, – только не мог мой солдат этого сделать. Ушел он от меня в тот день, когда вошли немцы, а штаб взорвали на четвертый или на пятый день. К тому же был серьезно ранен и если сумел дойти до леса, то слава богу. – Он показал на старшину. – На третью или четвертую ночь приходил ко мне этот старшина, искал Ивана. Я ему все объяснил: нет, мол, Ивана. С тем старшина и ушел – видно, прятался в городе. И когда те взрывы произошли, я сразу подумал: его рук дело. Может быть, я ошибаюсь, только все мои предположения именно на него, на старшину.

Рассказ Михеева произвел впечатление достоверности. Он говорил твердо, убежденно и доказательно. Я ни на минуту не сомневался в правде его слов. Хотя сам Михеев казался мне малосимпатичным, сухим и рассказ его сухим, слишком деловым. Таким же тоном он мог бы рассказать о пропавшей телеге. Ничто не дрогнуло в его лице, не шевельнулось в душе, не защемило сердце. Был парнишка, ушел. Может, дошел до леса, может, нет. Был старшина, пришел ночью, спросил, ушел; наверно, он взорвал штаб, а может, и не он.

По дороге к Агаповым я поделился этой мыслью с Наташей.

– Все реагируют по-разному, – ответила она, – он рассказал, что знал.

– Видимо, ты права, – согласился я, – мне не приходилось с этим сталкиваться, потому и показалось странным. Во всяком случае, его рассказ – серьезное *свидетельство*: есть одно имя – Иван, Ваня. Есть предположение, кто взорвал штаб – старшина. Теперь остается узнать его фамилию.

– Остается совершеннейший пустяк, – насмешливо проговорила Наташа.

Она была в простом синем пальтишке, но выглядела как богиня. Подул ветер, и она подняла воротник.

Нет контакта, хоть убей! Держусь официально, делаем одно дело, и все равно – враждебность. Теперь она торопилась к Агаповым. Чтобы отделаться от меня.

У Агаповых ее встретили как знакомую: в маленьких городках все знают друг друга.

У Михеева разговор ограничился хотя и содержательной, но сухой и короткой информацией. Здесь же он принял характер пресс-конференции. Мы даже сидели за круглым столом: Агапова-старшая – худенькая старушка с беспокойным лицом, Агапова-младшая – интеллигентная моложавая женщина, ее сын Вячеслав, или Слава, толстый молодой человек двадцати трех лет в очках, Наташа и я.

Таков был состав участников этой незабываемой встречи.

Рассмотрев фотографию, Агапова-старшая сказала:

– В войну у нас стояло много солдат. Разве можно всех запомнить?

Я пояснил:

– Речь идет о том дне, когда в город вошли немцы.

– Когда вошли немцы – это было в сентябре сорок второго года, – у нас были два солдата. Эти или нет – не помню. Немцы всех нас выселили и разместили на улице свой штаб. А солдаты наши, как увидели, что в город вошли немцы, исчезли.

– Исчезли? – переспросил я.

– Исчезли, – подтвердила старушка. – Я не успела оглянуться, как они исчезли. Растаяли в воздухе.

– Мистика! А вы не слышали про солдата, который разгромил немецкий штаб?

– Слышала... Но немцы его убили, кажется.

– Мог это быть один из ваших двух солдат?

Она пожала худенькими плечиками:

– Мог и быть, мог и не быть, я этого не знаю.

И тут вмешался молчавший все время Слава:

– А почему я ничего не знаю об этой истории?

В семье Агаповых мне понравились все, кроме вот этого самого Славки. Он мне сразу не понравился. Молодой очкарик, к тому же толстый, обычно ассоциируется с каким-нибудь добродушным увальнем вроде Пьера Безухова. А если очкарик худой, то с каким-нибудь болезненным хлюпиком типа... Не приходит на память тип... Во всяком случае, очки, свидетельствуя о каком-то изъяне, о физическом недостатке, придают их обладателям обаяние человечности, некоей беспомощности. Я не мог бы себе представить, скажем, Гитлера, Геринга или Муссолини в очках. Но если в очках хам, то он из всех хамов – хам, из всех нахалов – нахал, я в этом много раз убеждался. У таких очки подчеркивают их хищную настороженность. Их скрытое за стеклами коварство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.